

© 2021. В. И. Мельник
Перервинская духовная семинария,
г. Москва, Россия

И. А. Гончаров и философия науки его времени (проблема науки и религии)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00221

Аннотация: В период бурного развития науки и техники в среде главных представителей русской классической литературы лишь А. И. Герцен и И. А. Гончаров испытывали глубокий и предметный интерес к философии науки. Для автора «Обрыва» этот интерес был связан с главным вопросом, вокруг которого концентрируется доминирующая проблематика его творчества: это вопрос о совместимости научного мышления и традиционной веры. В настоящей работе исследуется преимущественно один аспект темы: интерес писателя к естествознанию и, более всего, к астрономии. Дарвинизм с его тезисом о происхождении человека от обезьяны и астрономические открытия, активизировавшие мысли о жизни на других планетах, породили в массовом сознании сомнения в установившейся религиозной картине мира. Гончаров определил свое отношение к указанным изменениям задолго до разразившегося кризиса религиозного сознания 1860-х гг. Будучи консервативным и глубоко верующим человеком, он серьезно относился к научному прогрессу, не противопоставляя его религии и считая его орудием Божьего Промысла о человечестве. Кризис религиозного сознания в русском обществе XIX в. рассматривается как главный предмет художественного исследования Гончарова, скрепляющий «Обыкновенную историю», «Обломова» и «Обрыв» в единую трилогию.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Вл. С. Соловьев, К. Н. Фламмарин, астрономия, философия науки, позитивизм, религия, трилогия.

Информация об авторе: Владимир Иванович Мельник, доктор филологических наук, профессор, Перервинская духовная семинария, ул. Шоссейная, 82 г, 109383 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 15.11.2020

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.01.2021

Дата публикации статьи: 22.03.2021

Для цитирования: Мельник В. И. И. А. Гончаров и философия науки его времени (проблема науки и религии) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 134–159. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-134-159>



This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 134–159. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 134–159. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Vladimir I. Melnik
Pererva Theological Seminary
Moscow, Russia

Ivan Goncharov and the Philosophy of Science of His Time (Issue of Science and Religion)

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), number 20-012-00221.

Abstract: During the period of rapid development of science and technology among the main representatives of Russian classical literature, only Alexander Herzen and Ivan Goncharov experienced a deep and substantive interest in the philosophy of science. For the author of “The Precipice,” this interest was associated with the main issue around which the dominant problematics of his work is concentrated: this is the question of the compatibility of scientific thinking and traditional faith. This work examines mainly one aspect of the topic: the writer’s interest in natural science and, above all, in astronomy. Darwinism, with its thesis on the origin of man from ape, and astronomical discoveries that activated thoughts about life on other planets, gave rise to doubts in the mass consciousness about the established religious picture of the world. Goncharov defined his attitude to these changes long before the outbreak of the crisis of religious consciousness in the 1860s. As a conservative and deeply religious person, he took scientific progress seriously, not opposing it to religion and considering it an instrument of God’s Providence for humanity. The crisis of religious consciousness in Russian society of the 19th century is regarded as the main subject of Goncharov’s artistic research, which binds “A Common Story,” “Oblomov” and “The Precipice” into a trilogy.

Keywords: Ivan Goncharov, Vladimir Solovyov, Camille Flammarion, astronomy, philosophy of science, positivism, religion, trilogy.

Information about the author: Vladimir I. Melnik, DSc in Philology, Professor, Pererva Theological Seminary, Shosseynaya st., 82 g, 109383 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: November 15, 2020

Approved after reviewing: January 17, 2021

Published: March 22, 2021

For citation: Melnik, V. I. “Ivan Goncharov and the Philosophy of Science of His Time (Issue of Science and Religion).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 134–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-134-159>

В последние десятилетия изучение творчества Гончарова переживает бурный рост: в нем перестали видеть лишь талантливое бытописателя, критика крепостного права и т. п. С 1980-х гг. проявился интерес к философской стороне его творчества [Мельник 1982]. Однако это наименее разрабатываемая часть творческого наследия писателя. Совершенно не изучался вопрос об отношении романиста к современной науке. Между тем Гончаров внимательно следил за ее достижениями (в частности, астрономии), вырабатывая собственную позицию в вопросе соотносительности двух типов мышления: «младенческой веры» и «взрослого сознания». В этом отношении его, вероятно, можно назвать самым характерным крупным русским писателем той эпохи.

Обращение к проблеме «Гончаров и наука» обусловлено стремлением всесторонне уяснить логику творчества писателя, определить истоки той доминирующей в его творчестве идеи, которая объединяет три самостоятельных романа Гончарова в единую трилогию, или, условно говоря, «одно произведение», а по выражению самого автора, «*не три романа, а один* (курсив Гончарова. — В. М.)» [Гончаров 1952–1955. 8: 72].

Все до сих пор предпринимавшиеся попытки выявить связь между романами Гончарова сводились, в основном, к указанию сходства на уровне набора определенных тем и мотивов, перекличек в образной системе и пр., что давало повод назвать «Обыкновенную историю», «Обломова» и «Обрыв» романной трилогией лишь весьма условно. «Напрасно я ждал, что кто-нибудь, кроме меня, прочтет между строками и, полюбив образы, свяжет их в одно целое и увидит, что именно говорит это целое...» [Гончаров 1952–1955. 8: 67]. Изучение «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва» как «целого», как «одного романа» ведет к постановке вопроса о «надроманном замысле» писателя и, следовательно, о едином эпохальном идейном конфликте, определяющем этот замысел.

Этот конфликт оказывается непосредственно связан с проблемой, которую Гончаров выделил для себя как идейную доминанту эпохи: это проблема соотносительности религии и науки. В представлении романиста этот конфликт назревал в течение тысячелетий, а в XIX в. окончательно оформился. В 1860–1870-е гг. на гребне волны увлечения русского общества естественными науками мысль стала всеобщей, но и более частной. Например, Н. Н. Страхов в предисловии к книге «Мир как целое» (1872) выразил ее следующим образом: «В наше время естественные науки возбуждают всеобщее внимание и любопытство. В этом состоит важная и совершенно ясная особенность настоящей эпохи. Между тем вовсе не так легко указать причину этого общего расположения к наукам о природе... Для непосвященных природа тысячекратно занимательнее, и ее явления представляются им чудесными, таинственными. Великая черта нашего времени состоит именно в том, что свет ума проникает в эту чудесную таинственность, и потому все с радостью устремились вслед за надежным руководителем» [Страхов 1872: 1]¹. Мысль Гончарова с самого начала и до конца жизни касалась более масштабного — условно говоря, тысячелетнего — конфликта. В «Необыкновенной истории» (1875–1876) он писал: «Человек, жизнь и наука — стали в положение разлада, борьбы друг с другом: работа, т. е. борьба кипит — и что выйдет из этой борьбы — никто не знает! Явление совершается, мы живем в центре этого вихря, в момент жаркой схватки — и конца ни видеть, ни предвидеть не можем!» [Гончаров 2000: 272].

В самом деле, бурное развитие науки и техники уже к 1830–1840 гг. привело человечество к осознанию своего могущества, превосходства над природными силами. Во «Фрегате “Паллада”» романист писал: «Пройдет еще немного времени, и не станет ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. И теперь воды мор-

¹ Гончаров высказывал эту же мысль в 1850-е гг. во «Фрегате “Паллада”»: «Всё было загадочно и фантастически прекрасно в волшебной дали: счастливы ходили и возвращались с заманчивою, но глухою повестью о чудесах, с детским толкованием тайн мира. Но вот явился человек, мудрец и поэт, и озарил таинственные углы. Он пошел туда с компасом, заступом, циркулем и кистью, с сердцем, полным веры к Творцу и любви к Его мирозданию. Он внес жизнь, разум и опыт в каменные пустыни, в глушь лесов и силою светлого разума указал путь тысячам за собою» [Гончаров 1997–2017. 2: 10].

ской нет, ее делают пресною, за пять тысяч верст от берега является блюдо свежей зелени и дичи; под экватором можно поесть русской капусты и щей. Части света быстро сближаются между собою: из Европы в Америку — рукой подать; поговаривают, что будут ездить туда в сорок восемь часов, — пуф, шутка конечно, но современный пуф, намекающий на будущие гигантские успехи мореплавания» [Гончаров 1997–2017. 2: 13].

Бог как источник всякого благоденствия в сознании человека XIX в. начал терять первостепенное значение, все более заметно стал проявляться упадок веры. Родилась формула «Бог умер». По словам одного из крупнейших богословов XX в. П. Тиллиха, «Фейербах отделался от Бога, объяснив Его как бесконечную жажду человеческого сердца; Маркс отделался от Него как от идеологической попытки возвыситься над наличной реальностью; Ницше отделался от Него как от того, что ослабляет волю к жизни. В результате появился лозунг “Бог умер”, но вместе с Ним умерла и вся система ценностей и смыслов, внутри которой жил человек» [Тиллих: 101]. В письме к философу Вл. С. Соловьеву романист признавал: «Чувства младенческой веры не воротитишь взрослому обществу: основания некоторых библейских сказаний с мифологическими сказаниями греческой и других мифологий — (не говоря уже о новейшей науке) подорвали веру в чудеса — и развившееся человеческое общество откинуло все так называемое метафизическое, мистическое, сверхъестественное» [Гончаров 1994: 348–349]. Все более явственно стало проявляться всеобщее равнодушие к вере: «Вот враг, с которым приходится бороться: равнодушие! А бороться нельзя и нечем! Против него нет ни морального, ни материального оружия! Он не спорит, не противится, не возражает, молчит и только спускается все ниже и ниже нуля, как ртуть в термометре. От этого равнодушия, на наших глазах, пало тысячелетнее папство!» [Гончаров 2000: 272].

Хотя официальная полемика сторонников науки и традиционных религиозных взглядов возникла в 1860-е гг., Гончаров уже в 1830–1840-е гг. почувствовал этот узловый конфликт эпохи. Разлом истории, которую Гончаров измеряет тысячелетней мерой, автор «Обыкновенной истории» остро почувствовал в то время, когда в русском обществе еще не было и мысли о масштабности назревающего конфликта между научным знанием и религиозными представлениями. Масштаб исторического разлома был не только чутко, но и системно осознан пи-

сателем потому, что он в своих размышлениях исходил из коренной философской проблемы: человек в его отношениях к Богу. Некоторые современники Гончарова в России не менее остро чувствовали переломный момент эпохи, однако, обращаясь к частным проблемам, не могли сформулировать мысль о кризисе столь же ясно, как это сделал Гончаров своей романной трилогией, генетически восходящей к «Божественной комедии» Данте. Например, А. И. Герцен в цикле статей «Дилетантизм в науке» (1842 – 1843) писал в духе, столь близком «Обыкновенной истории» Гончарова: «Мы живем на рубеже двух миров — оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены — но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листья, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу» [Герцен 3: 7]. Эти слова словно перекликаются с размышлениями Александра Адуева: «Ах! если б я мог еще верить в это!.. Младенческие верования утрачены, а что я узнал нового, верного?.. ничего: я нашел сомнения, толки, теории... и от истины еще дальше прежнего... К чему этот раскол, это умничанье?.. Боже!.. когда теплота веры не греет сердца, разве можно быть счастливым? Счастливее ли я?» [Гончаров 1997–2017. 1: 443–444].

В этих условиях науку нельзя было просто игнорировать, хотя такие попытки предпринимались в обществе. Гончаров однозначно выступал за развитие научных знаний. В предисловии к роману «Обрыв» он замечал: «Нельзя жертвовать серьезными практическими науками малодушным опасениям незначительной части вреда, какая может произойти от свободы и широты ученой деятельности. Пусть между молодыми учеными нашлись бы такие, которых изучение естественных или точных наук привело бы к выводам крайнего материализма, отрицания и т. п. Убеждения их останутся их личным уделом, а учеными усилиями их обогатится наука, как некогда исследованиями алхимиков и астрологов, добывавшихся открытия философского камня и тайн читать будущее по звездам, обогатились химия и астрология» [Гончаров 1952–1955. 8: 156].

Многие представители церкви поддерживали изучение естественных наук. В русском обществе проблема начала широко обсуждаться, когда журналы, наряду с работами по естествознанию и, особенно, по астрономии и космологии, начали печатать возражения на попытки

антихристианских мыслителей разрушить сложившиеся религиозные догмы и традиции — при апелляции к достижениям современной науки. «Журнал Министерства народного просвещения» опубликовал любопытный отчет ординарного профессора богословия Московского университета — протоиерея Николая Сергиевского, который писал в отчете: «... с развитием научного сознания... не должно оставлять сознания религиозного без соответственного развития. И это — особенно в наше время, при чрезвычайно быстром развитии науки, при накоплении массы новых открытий, при перестройке почти во всех отраслях знания, при возникновении даже новых наук, неведомых прежнему времени... *Богословская апологетика* (курсив автора. — В. М.) — это новая наука, возникшая в Германии, именно в виду современных общественных потребностей... Исследуя основания религии вообще и веры христианской в особенности, в виду вопросов... сомнений или отрицаний современной науки, апологетика спокойно устанавливает для данного времени правильные отношения научного сознания к религиозному, человеческого разума к религиозным истинам» [Отчет].

Как уже было сказано, влияние бурного развития естественных наук на традиционные религиозные и нравственные ценности Гончаров заметил еще в пору своей молодости, в 1830-е гг. Перед молодым писателем открывалась широчайшая перспектива художественного исследования сознания и духа современного человека XIX в. Придерживаясь сходной с Данте богословской концепции (ад, чистилище, рай, но, в отличие от Данте, не в буквальном, или мистериальном, а в духовно-психологическом смысле, как отражение ада, чистилища и рая в душе современного человека), избегая мистической буквальности средневековой догматики, романист расположил главные векторы своей художественной мысли в узнаваемом и ничем не выдающемся поле обыденной русской жизни, вложив в романы собственный духовный опыт преодоления «ада»¹. В этом смысле перед ним как художником

¹ В письме к И. И. Лъховскому от двадцатых чисел июля 1853 г. он признавался: «...Если б Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий, ума, сердечных движений души проходил я от пелен и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений... Я должен был с неимоверными трудами создавать себе сам собственными руками то, что в других сажает природа или окружающие: у меня не было даже

стоял вопрос: как современному человеку совместить научное и религиозное мировоззрения, духовно возмужать, не разрушая основ «младенческой веры»?

Запоздалое обсуждение этого вопроса в журналистике 1860-х гг. показывало отсутствие ясных ответов. Понятно было одно: в новых условиях наука и религия должны были дополнять друг друга, поскольку наука не могла ответить на все вопросы, а религия должна была по-новому толковать известные понятия и некоторые библейские сюжеты. Характерно сказал об этом священник А. Владимирский: «Игнорировать их (новые мнения. — В. М.)... профессору богословия невозможно... чтобы успешнее действовать в самом рассуждении откровенных догматов... недостаточно быть знакомым с науками собственно только богословскими, но надобно бывает... знакомиться и следить за современным направлением мысли и в науках светских, особенно естественных...» [Приложения]. Указанное требование — следить за развитием естественных наук — Гончаров считал актуальным не только для богословов, но и для всех мыслящих людей. Даже Илья Обломов берется за чтение «Истории открытий и изобретений»¹. Сам же романист особенный интерес проявлял к астрономии. И это не случайно. Именно астрономия и идеи Дарвина оказались в центре внимания философии, богословия и естествознания XIX в. Показательно предисловие Н. Н. Страхова к книге «Мир как целое» (1872), в которой он решил вскрыть идейную сущность споров о науке и религии. Критик пишет: «Вся моя цель как будто состояла только в том, чтобы во что бы то ни стало разбудить читателя, возбудить в нем философскую деятельность мысли. Для этого, как будто преднамеренно, мною взята такая постановка философских вопросов, в которой они получают наибольшую определенность и наглядность. Когда мы рассуждаем о природе вообще, о мироздании, взятом в его целостности, то для этого вопроса нельзя выбрать формы яснее и резче, как вопрос *о жителях планет*², вопрос, известный во всемирной литературе под именем вопроса о *множестве*

естественных материалов, из которых я мог бы построить что-нибудь...» [Гончаров 1952–1955. 8: 258].

¹ Bechmann J. A History of Inventions, Discoveries and Origins. London, 1846. Vol. 1–2 [Гончаров 1997–2017. 6: 560].

² Термин взят из работ французского астронома К. Фламмарiona.

*миров*¹... Так как дело состоит как бы в том, чтобы принудить читателя мыслить философски, то замечу, что взятые мною формы имеют величайшую принудительную силу. Можно воздерживаться от многих философских вопросов, ... но воздержаться от вопросов о жителях планет и об атомах — всего труднее, и если кто воздерживается, тот для последовательности должен уже ничего не говорить ни о мироздании, ни о веществе» [Страхов 1872: IV–V].

Как известно, в России еще при Петре I проявилось обращение к астрономическим наблюдениям. Первой обсерваторией в стране была частная обсерватория А. А. Любимова в Холмогорах Архангельской области, открытая в 1692 г. В 1701 г. по указу Петра I создана обсерватория при «Навигацкой школе»² в Москве. В 1831 г. была основана обсерватория Московского университета, в 1839 г. — Пулковская обсерватория под Петербургом и т. д. В XIX в. Россия вслед за Европой переживает новую волну увлечения астрономией. Уже в начале XIX в. лекции по механике, оптике и астрономии читает в Харьковском университете имевший семинарское образование профессор Т. Ф. Осиповский (1766–1832). В 1860-е гг. в Московском университете лекции по астрономии читал профессор Ф. А. Бредихин (1831–1904), в Петербурге — В. Я. Струве (1793–1864), в Казанском университете — Н. М. Лобачевский (1792–1856). Правда, первый специальный журнал начал издаваться лишь в 1892 г. («Известия Русского астрономического общества»). Многие грамотные люди увлеклись наблюдениями за звездным небом и даже выдвигали гипотезы или пытались внести поправки в господствующие теории (как, например, липецкий житель Е. В. Быханов, опубликовавший две книги по астрономии [Быханов 1877; Быханов 1894], обсуждавшихся впоследствии в астрономической науке). В 1888 г. возник Нижегородский кружок любителей астрономии, а уже в 1890 г. — Русское астрономическое общество.

¹ Название книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (эту книгу Н. Н. Страхов упоминает и подробно останавливается на критике этой книги Вольтером в «Микромегасе»), а также книги К. Фламариона «Множественность обитаемых миров».

² Школа математических и навигацких наук (школа Пушкарского приказа) — первое в России артиллерийское, инженерное и морское училище, историческая предтеча и предшественник всей современной системы инженерно-технического образования России.

О популярности астрономии говорит тот факт, что многие журналы давали краткий обзор выходивших в России переводов западноевропейских естественнонаучных и, очень часто, астрономических трудов. В «Журнале Министерства народного просвещения» постоянно и в большом количестве публиковались обзоры естественнонаучных открытий и новостей, прежде всего, из Европы и США. Большое место в этих обзорах занимала астрономия. Журнал, в частности, опубликовал работу французского астронома Араго «Биографии главных астрономов» в переводе ректора Московского университета Д. Перевощикова. А в апрельском, например, номере журнала за 1856 г. были рассмотрены следующие астрономические вопросы: «Новая таблица астрономического преломления», «Новая теория сверкания звезд», «Новый каталог звезд». Открытия в астрономии совершались одно за другим, так что почти в каждом новом номере журнала размещались научные обзоры и рецензии.

Интересно, что Церковь немедленно начала искать пути сближения с наукой, дабы оградить паству от разделения и противопоставления научного и религиозного мышления, что неминуемо привело бы к распространению атеизма. Вот почему популярные книги по астрономии издавались даже для народа. При этом разрушались традиционные народные представления о космологии и «упреждающе» совмещались с новыми, собственно научными представлениями. Характерный пример в этом отношении представляет книга А. Иванова (настоящее имя: Стронин Александр Иванович [Масанов 1: 426]) «Рассказы о земле и небе» [Иванов]. Рецензент «Журнала Министерства народного просвещения» писал по поводу этой книги: «...рассматриваемая книжка составлена хорошо и может быть полезна для библиотек начальных народных училищ: при других своих достоинствах, она удовлетворяет и нравственно-религиозным требованиям. Так, на стр. 19 автор, говоря о величине солнца и земли, присовокупляет: “И не нужно тут никаких столбов, ни рыбы-кита, ни слона, ни черепахи (чтобы держать землю). Умудрился Господь и без них, одной невидимой силой своей, все поставить и все содержать. Слава Тебе, Господи, яко сподобил мя познать дела Твоя”...» [Иванов].

В произведениях современников Гончарова неоднократно упоминается астрономия. Утопическую повесть «4338-й год» (1835) В. Ф. Одоевский начал именно с такого упоминания: «Вычисления астрономов,

доказывающих, что в 4339 году, то есть 2500 лет после нас, комета Вьеллы должна непременно встретиться с Землей, сильно поразили нашего сомнамбула». Упоминания об астрономии встречаются у Д. В. Григоровича («Скучные люди», 1845), Ф. М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», 1859; «Подросток», 1875), А. Н. Островского («Бешеные деньги», 1870; «Красавец мужчина», 1882), М. Е. Салтыкова-Щедрина («Дневник провинциала в Петербурге», 1872) и пр.

Но, за исключением В. Ф. Одоевского, авторы лишь отмечали как факт усилившийся интерес к астрономии. Гончаров же относился к науке более серьезно, и притом с самого детства. Любовь к астрономии прививал ему его крестный отец Н. Н. Трегубов. «Особенно, — вспоминал романист, — ясны и неоцененны были для меня его беседы о математической и физической географии, астрономии, вообще космогонии, потом навигации. Он познакомил меня с картой звездного неба, наглядно объяснял движение планет, вращение земли, все то, что не умели или не хотели сделать мои школьные наставники. Я увидел ясно, что они были дети перед ним в этих технических, преподаваемых мне им уроках. У него были некоторые морские инструменты, телескоп, секстант, хронометр. Между книгами у него оказались путешествия всех кругосветных плавателей, с Кука до последних времен. Я жадно поглощал его рассказы и зачитывался путешествиями» [Гончаров 1952–1955. 7: 238]. Впоследствии интерес к астрономии мог быть поддержан в Гончарове во время плавания на фрегате «Паллада» адмиралом Е. В. Путятиным, который смолоду увлекался астрономическими наблюдениями вместе с будущим декабристом Д. Завалишиным. Перед отправлением в кругосветное путешествие романист прочел уже два или три тома книги А. Гумбольдта «Космос» (третий том посвящен собственно вопросам космогонии).

Гончаров внимательно следил за литературой по астрономии, о чем говорит состав его библиотеки. Уцелевшая лишь в незначительной части личная библиотека Гончарова, хранящаяся на родине писателя, в Ульяновском дворце книги, содержит издания (и описания утраченных книг) достаточно крупных европейских ученых и популяризаторов науки XIX в., среди которых были и астрономы. Так, на книжных полках романиста стояла книга французского физика и астронома, директора Парижской обсерватории, сотрудничавшего с А. Гумбольдтом, Ф. Араго «Гром и молния» [Араго]. Особенный интерес писатель проявлял к

книгам французского астронома К. Фламариона, посвященным чисто научной проблематике, но в то же время написанным в романтически мечтательном духе [Flammarion 1869; Flammarion 1872; Flammarion 1873] и др. Интересно, что в библиотеке Гончарова были не только научно-популярные, но и собственно научные книги по астрономии, в частности, работа итальянского астронома Секки Анджело (1818–1878) о поверхности Солнца [Secchi]. Авторы описания библиотеки Гончарова отмечают: «Присутствие книги Секки в библиотеке И. А. Гончарова несколько неожиданно: книгу Секки никак не назовешь популярной ни по языку, ни по содержанию. Видимо, любознательность и интерес Гончарова к последним достижениям в астрономии побороли боязнь “строгих научных форм”» [Описание библиотеки: 117]. К сожалению, многие книги оказались утраченными и нельзя сделать выводов о том, содержали ли эти книги пометки, сделанные рукой Гончарова.

Астрономические микросюжеты встречаются и в произведениях Гончарова. Так, во «Фрегате “Паллада”» автор пишет, что кодекс дружбы «устарел гораздо больше Птолемеевой географии и астрономии или Аристотелевой риторики» [Гончаров 1997–2017. 5: 37]. Космическая тема звучит в романе «Обрыв». Райский говорит Марфиньке: «Ты знаешь, что прежде в центре мира полагали землю, и все обращалось вокруг нее, потом Галилей, Коперник — нашли, что все обращается вокруг солнца, а теперь открыли, что и солнце обращается вокруг другого солнца. Проходили века — и явления физического мира поддавались всякой из этих теорий» [Гончаров 1997–2017. 7: 229].

Но еще более характерно тема космоса прозвучала в одном из последних произведений писателя «Май месяц в Петербурге» (1891): «Тот лет десять все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершелей, до какого-нибудь Фламариона, и все хочет добиться, есть ли жители на Венере, Марсе и других планетах, какие они, что делают и прочее?» [Гончаров 1952–1955. 8: 426]. Одного из «астрономического семейства» Гершелей писатель уже упоминал во «Фрегате “Паллада”» [Гуськов]. Теперь же речь идет о семье астрономов Гершелей. Во-первых, это Уильям Гершель (1738–1822) — выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух ее спутников — Титании и Оберона. Во-вторых, это его сестра Каролина Гершель (1750–1848), сделавшая заметные астро-

номические открытия. В-третьих, это Джон Гершель (1792–1871) — английский астроном и физик, сын Уильяма Гершеля.

Что касается вопросов о жизни на других планетах, то они появились у Гончарова, скорее всего, под влиянием К. Фламариона, который развивал идеи жизни на других планетах и издал целый ряд замечательных научно-популярных книг: «Множественность обитаемых миров», «Миры воображаемые и миры реальные» (1865), «Небесные чудеса» (1865), первый популярный учебник по астрономии, «История неба» (занимательная история астрономии (1867)). Была издана целая серия его научно-популярных лекций «Этюды по астрономии» (к 1880 году вышло девять томов). Фламарион много сил посвятил исследованию Марса и позже, уже после кончины Гончарова, написал книгу «Планета Марс и условия обитания на ней» (1909). Во времена Фламариона мысль о множественности миров, населенных разумными существами, расходилась все шире и высказывалась многими. Н. Н. Страхов иронически приводит интересный пример: «Какой-то ученый, и едва ли не немецкий, предлагал какому-то правительству, и едва ли не русскому, где-нибудь на больших пространствах изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрический чертеж, например чертеж Пифагоровой теоремы. Жители луны, которые, вероятно, не менее Пифагора радовались открытию этой теоремы и, может быть, также принесли за это в жертву богам сто лунных быков, без сомнения, узнали бы чертеж и любезно отвечали бы нам другим чертежом» [Страхов 1872: 197–198].

Очевидно, Гончаров склонялся к мнению, что мыслящие существа на других планетах, если они существуют, могут быть и не похожи на людей, его герой задается вопросом: «Какие они, что делают»? Большинство (в их числе знаменитый математик и астроном Гюйгенс), как известно, придерживалось мысли о том, что эти существа должны быть похожими на людей¹. Немногие, в том числе и Фламарион, были

¹ Гюйгенс — автор книги «Зритель мира, или о небесных странах и их убранстве» (1698). Н. Н. Страхов не признавал мысли Шеллинга [Schelling: 495; Страхов 1872: 204–205], Фонтенеля и Фламариона о разнообразии миров и писал: «Из всех фактов астрономии нет ни одного, который бы отзывался чем-нибудь совершенно чуждым; нет ни одного, который бы доказывал разнообразие мира. Великие успехи астрономии, напротив, состоят именно в постепенном распространении однообразия на все мироздание... Планеты — та же земля; звезды — то же солн-

иногое мнения. Французский ученый писал: «Судить о всем беспредельном мироздании по одной только Земле — это все равно, что судить о ... “Божественной комедии” Данте по какой-нибудь группе одного из кругов “Ада”» (цит. по: [Лосев: 114]).

Гончаров не случайно упоминает в «Мае месяце в Петербурге» имя Фламариона, поскольку тот не только интересовался наукой, но и разрабатывал ее философию, во многом сходную с гончаровской. Писатель мог бы обнаружить свои собственные мысли о религиозном кризисе человечества в трудах К. Фламариона. Характерно, что и Гончаров, и Фламарион выражают мысли об этом кризисе почти одними и теми же словами. Вопрос о том, что жизнь возможна не только на Земле, должен был, в числе других подобных, породить кризис религиозного сознания. Однако ученые, не потерявшие веры, искали такой ответ на этот вопрос, который не разрушал бы традиционного религиозного мышления, а примирял его с наукой, о чем много думал и сам автор «Обрыва». В предисловии к роману он писал: «Уяснение религии, даже самое отрицание ее началось вместе с религией и идет параллельно. Только пылкой юности позволительно мечтать, что эти два параллельные потока уже сошлись у ней под ногами. В спорах об этом выясняются истины, выигрывает наука, мысли, философия, а религия не теряет своей власти над большинством. Источник знания неистощим: какие успехи ни приобретаешь человечество на этом пути, впереди все будет бездна неведения — все людям будет оставаться искать, открывать и познавать... Мыслители говорят, что ни заповеди, ни евангелие ничего нового не сказали и не говорят, тогда как наука прибавляет ежечасно новые истины. Но в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания. Если путь последнего неистощим и бесконечен, то и высота человеческого совершенства по евангелию так же недостижима, хотя и не невозможна! Следовательно — и тот и другой пути параллельны и бесконечны!

це; и до бесконечности небес все то же и то же, все солнца, да планеты, да пространство, не имеющее конца...» [Страхов 1872: 203]. Мысль об однообразии мира привела Страхова к заключению, что вокруг звезд существуют планеты, на которых могут находиться существа, подобные человеку [Страхов 1872: 249–250].

И то и другое одинаково трудно одолимы» [Гончаров 1952–1955. 8: 156–157].

Во введении к книге «Многочисленность обитаемых миров» (1862) Фламарион, как и Гончаров, размышлял о современном кризисе, причем в стилистике «Необыкновенной истории» и гончаровских писем: «Если мы внимательно взглянем в духовную жизнь современного человечества, то мы увидим, что человек утратил свою прежнюю веру, а с ней и безмятежный душевный покой, которым он когда-то наслаждался; что мы живем среди борьбы противоречивых мыслей и что обеспокоенное человечество ищет философию, которая создала бы прочную религиозную основу для развития и осуществления его надежд... человек, обессиленный сомнениями, теряет сознание и падает в объятия скептицизма. Завершено дело разрушения!.. Прошлое умерло; новая философия еще не родилась, она еще скрывается в хаосе творчества. Дух современного человечества живет в противоречии с самим собой, он распадается сам в себе. Природоведение, этот могучий властелин нашего времени, руководящий прогрессом, никогда еще не был так чужд всякой философии, как именно теперь. Во главе естественных наук стоят люди, которые совершенно произвольно отрицают бытие Божие...» [Фламарион: 3–4].

В контексте размышлений о мировоззрении Гончарова астрономия является лишь частным случаем, демонстрирующим интерес писателя не только к процессу развития современной науки, но и к выработке собственной философии науки и ее взаимосвязи с традиционным религиозным сознанием. Недаром в его библиотеке находились труды тех западных ученых, которые активно участвовали в дискуссиях о судьбах религии и науки в современном мире. Это книги английского физика Д. Тиндаля [Тиндаль], французского химика, автора работ по истории науки, Р. Л. Фигье [Фигье]. Гончаров, конечно, был знаком с важной в контексте его размышлений книгой американского ученого Д. Дрейпера «Конфликт науки и религии» [Дрейпер], которая также была в его библиотеке. Возможно, читал он и его книгу «История умственного развития Европы» («History of the intellectual development of Europe», 1862, русский перевод 1866 г.), которая пользовалась популярностью в России в середине 1860-х гг.

Д. Дрейпер был приверженцем эволюционных идей Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Труды Ч. Дарвина «Происхождение видов» и «Происхож-

дение человека» произвели подлинную революцию не только в науке, но и в массовом сознании. Известно, что весь тираж книги «Происхождение видов» (1859) был скуплен уже в первый день. Книги английского ученого иначе, чем христианское учение, трактовали возникновение мира и человека. Об этом писал в свое время Л. Н. Толстой: «По решению вопроса Моисеем (в полемике с которым и состоит всё значение этой теории), выходит, что разнообразие видов живых существ произошло по воле Бога и бесконечному могуществу Его; по теории же эволюции выходит, что разнообразие живых существ произошло по случайности и по разнообразным условиям наследственности и среды в бесконечно долгое время. Теория эволюции, говоря простым языком, утверждает только то, что по случайности в бесконечно долгое время из чего хотите может выйти всё, что хотите. Ответа на вопрос нет. А только тот же вопрос поставлен иначе: вместо воли поставлена случайность, а коэффициент бесконечного переставлен от могущества к времени» [Толстой 25: 338–339]¹.

Общественная опасность состояла не столько в гипотетических предположениях Дарвина, сколько в вульгаризации его идей интерпретаторами, исходившими порою из спекулятивных политических мотивов. Современный исследователь отмечает, что появились «попытки вульгарной экстраполяции законов, открытых Дарвином в природе, на жизнь социума, отразившиеся, прежде всего, в работах Г. Спенсера и Э. Геккеля... естественнонаучное знание воспринималось как идейный базис не только для философских, но и для политических выводов. Популяризация достижений естествознания стала знаменем борьбы с религией и ассоциируемым с ней общественным строем» [Кругликова: 102–103]. Широкое распространение научных идей в радикальной философско-политической интерпретации с неизбежностью приводило и к вульгаризации науки. Н. Н. Страхов писал по этому поводу: «Давно ли мы очень усердно занимались дарвинизмом? Сколько сочинений Дарвина переведено у нас! Иногда появлялись разом два перевода той же книги; иные переводы выдержали два и три издания. Значит, читали не одни ученые, а все жаждущие просвещения и боящиеся не отстать от века. Но к чему же все это привело? Можно ли сказать, что читатели

¹ См. также такие произведения Л. Н. Толстого, как «Царство Божие внутри вас», «Что такое искусство?», «На каждый день», «Воскресение», статьи «О Шекспире и о драме» и др. В них содержится критика Дарвина.

глубоко заинтересовались вопросом о происхождении видов, что они понимают постановку этого вопроса, его важность и трудность? О, насколько. Бедная публика! Она вечно гонится за одними результатами, за выводами, за решениями, и потому, сколько ни читает, ничуть не становится способнее судить об этих решениях, сколько ни поглощает книг, обретает только предубеждения, а не действительные познания. Пусть не упрекают нас за резкость; в настоящую минуту то, что мы говорим, есть совершенная очевидность. Ото всех книг, статей и толков о Дарвине, в умах читателей, без всякого сомнения, осталось только то, что по Дарвину человек происходит от обезьяны. Сведение это ужасно занимательно для читателей, но вовсе не потому, что они очень любят обезьян, или что глубоко заинтересованы удивительным процессом обращения неразумной обезьяны в человека, а только потому, что они не любят другого учения, вовсе непохожего на дарвиновское. Поэтому им доставляет большое удовольствие провозглашать: «Дарвин доказал то-то и то-то», а как он там доказал, это уже его дело, и вникать в это нет никакого интереса» [Страхов 1886].

Теория Дарвина содержала в себе еще больший антирелигиозный потенциал, чем вдохновенные, но бездоказательные фантазии К. Фламма-риона и других астрономов о жизни на других планетах. Гончаров не мог не принять во внимание открытия Дарвина. Хотя и с осторожностью, но он высказал свое отношение к ним, о чем будет сказано ниже. В 1860-е гг. началась общеевропейская дискуссия, которая до сих пор порождает обсуждения в западноевропейской науке и за которой, несомненно, следил автор «Обрыва», выступивший в романе против позитивистских идей. В центре этой дискуссии находился вопрос о научном открытии Ч. Дарвина, а конфликтующими сторонами были, с одной стороны, Церковь, а с другой — позитивная наука («научный натурализм»). Как писал К. А. Тимирязев, «возникла борьба, какой не запомнят в летописях научной мысли» [Тимирязев: 10]. Современный канадский ученый Бернард Лайтман в статье «“Тезис о конфликте” и научный натурализм» пишет: «Наряду со своими друзьями, физиком Джоном Тиндалем (Tyndall) и философом-эволюционистом Гербертом Спенсером (Spenser), Гексли¹

¹ Томас Генри Гексли (Хаксли) (1825–1895) — английский зоолог, популяризатор науки и защитник эволюционной теории Чарлза Дарвина (за свои яркие полемические выступления он получил прозвище «Бульдог Дарвина»). Гексли — член (в 1883–1885 гг. — президент) Лондонского ко-

всегда был центральной фигурой в любом описании отношений между наукой и религией в XIX в. До семидесятых годов прошлого столетия, когда “тезис о конфликте” широко был в ходу, они представлялись исследователям героями науки, отчаянно защищавшими Дарвина от нападков идейных христианских антиэволюционистов. Дебаты о состоятельности теории эволюции между Гексли и епископом Самюэлем Вилбер Форсом на встрече Британской ассоциации содействия развитию науки в Оксфорде в 1860 г. стали почти мифическим событием, символизирующим “тезис о конфликте”. Равным образом “Белфастская речь” Тиндаля, произнесенная им в 1874 г. в бытность президентом Британской ассоциации, была воспринята как образец радикального материализма ученых, группирующихся вокруг Дарвина. “Система синтетической философии” (1862–1896) Герберта Спенсера — амбициозная многотомная работа, основанная на принципах теории эволюции, — интерпретировалась как попытка заменить христианство новым, светским мировоззрением. Если бы история взаимоотношений между наукой и религией в XIX в. должна была бы целиком выстраиваться вокруг конфликта, то такие персонажи, как Гексли, Тиндаль и Спенсер, были бы крайне важны для ее изложения» [Лайтман: 13].

Дискуссия перенеслась и в Россию. Теория Дарвина проникла сюда практически сразу же после выхода «Происхождения видов» на английском языке. Уже в 1860 г. профессор Санкт-Петербургского университета С. С. Куторга включил теорию Дарвина в свой курс. Но главным апологетом учения Дарвина был естествоиспытатель К. А. Тимирязев, который не только переводил и пропагандировал Дарвина, но и посетил своего кумира в Англии в 1877 г. Эволюционное учение Дарвина он рассматривал как крупнейшее достижение науки XIX в., на основе которого совершил и свои открытия. В 1864 г. в «Отечественных записках» появляются работы Тимирязева о Дарвине, в которых он выступает как страстный защитник и пропагандист учения об эволюции. В 1865 г. его статьи из «Отечественных записок» выходят отдельной книгой под названием «Краткий очерк теории Дарвина». Во втором издании она получила окончательное заглавие — «Чарльз Дарвин и его учение» (первое издание — 1872 г., второе — 1883 г. [Тимирязев]).

ролевского общества, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1864). В своих апологетических статьях о Дарвине К. А. Тимирязев цитирует Гексли.

Еще одним русским ученым, высоко оценившим теорию Дарвина о происхождении видов, стал ботаник А. С. Фаминцын, опубликовавший в 1874 г. свою речь, читанную в Петербургском университете. В своей брошюре он отмечал: «К числу... немногих избранных принадлежит великий естествоиспытатель Чарльз Дарвин, имя которого известно всякому образованному человеку и не занимающемуся специально естественными науками. Влияние его на развитие разных отраслей человеческих знаний столь велико, что уже в настоящее время имеется значительная литература об этом замечательном человеке, о его ученых трудах. Статей, написанных о Дарвине и его учении, насчитывают с 1859 года, когда вышел в свет первый замечательный труд его по этому предмету, до 1871 года всего до 230. Исследований же, в которых говорится более или менее обстоятельно о теории Дарвина, столь много, что одни только заглавия их составляют целую книжку, изданную Зейдлицем в виде отдельной брошюры. Главнейшие сочинения Дарвина переведены, кроме того, на многие европейские языки» [Фаминцын: 1]. Важнейшая заслуга Дарвина, по Фаминцыну, заключается в том, что ему первому удалось доказать изменяемость организмов и показать способ, которым она достигается. Фаминцын подходил к вопросу более объективно, чем Тимирязев и не считал доказанным тезис о происхождении человека от обезьяны: «Хотя и не подлежит сомнению, что он показал великое влияние, как естественной, так и половой подборки на изменения человека, однако нельзя не сознаться, что главный вопрос, вопрос о происхождении человеческого рода, невозможно и в настоящее время считать разъясненным» [Фаминцын: 18].

Между прочим, Фаминцын отметил в учении Дарвина те черты, которые были близки Гончарову: «В противоположность прежде господствовавшему мнению о неизменяемости форм растений и животных, Дарвин приводит несомненные доказательства постепенного их перерождения под влиянием ухода человека. Так, например, несомненно изменились плоды хлебных растений... Необходимо следует предположить, что и хлебные растения наши в диком состоянии могли не заключать более питательных веществ, чем остальные травы. Только уходом человека вызвано у них значительное развитие семян, которое они представляют в настоящее время» [Фаминцын: 7]. Подобные определения заслуг Дарвина, конечно, вызывали в Гончарове симпатию к

английскому ученому и по-своему даже вдохновляли его, поскольку объективно укладывались в его концепцию взаимоотношений Бога (Творца) и человека (его помощника в деле превращения пустынь в сады). Другое дело, что в учении Дарвина отсутствовала идея Божьего Промысла, но тем ценнее были для Гончарова эти объективные сближения научных данных с религиозной картиной мира.

Между тем в России были у Дарвина и противники его идей. Главный тезис, который защищал в книге «Мир как целое» Страхов, сводился к «одухотворенности» (а потому и единства) материи: «Мир есть целое, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум. Мир есть единое целое, то есть он не распадается на два, на три или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. Такое единство мира можно получить, не иначе как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа» [Страхов 1872: VII]. В 1885 г. вышла в свет книга Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» [Данилевский]. Данилевский писал, что естественный отбор не существовал, не существует и не может существовать. Он считал, что Дарвин подарил миру не доказанную научную теорию, а гипотезу, притом противоречащую множеству фактов и основанную на ложных философских доктринах. Данилевский доказывал невозможность того, чтобы масса случайностей, не связанных между собою, могла произвести порядок, гармонию и удивительную целесообразность. По мнению русского ученого, развитие природы идет по плану Творца, «имеющему в виду достижение определенной цели». После выхода первого тома книги Данилевского Страхов выступил с одобрительной рецензией: «Можно прямо сказать: если кто-нибудь в России рассуждает или пишет о дарвинизме и не прочел этой книги, того не стоит слушать и читать, тот не знает настоящего положения дел и не имеет никакого права ссылаться на науку, а должен, если угодно, сам отвечать за свои соображения, как будто Дарвина и на свете не существовало» [Страхов 1886].

Будучи цензором и много читая на английском и французском языках, Гончаров, несомненно, следил за полемикой, касающейся как астрономии, так и других естественных наук в Европе и США. Его статья «О пользе истории» свидетельствует, что он попытался объективно оценить значение того действительно важного, что сделал

Ч. Дарвин. В статье «О пользе истории» он писал: «Новая... наука в лице Дарвина и других создала закон о наследственности, который и прежде чувствовали и признавали все мыслящие люди... Тот же духовный закон наследственности проходит по всей истории» [Гончаров 1965]¹. Весьма характерно, что Гончаров говорит не столько о «материальной» наследственности, открытой английским ученым, сколько о «духовном законе наследственности» и, тем самым, показывает, что наука лишь подтверждает и переводит на иной уровень осмысления незбылемые основы религиозного миропонимания. Очевидно, он был согласен с аргументацией, которую выдвигал, например, Альфонс де Кандоль, писавший о Дарвине: «Не думал ли он, что если его учение не противоречит основам религиозных убеждений, то уже дело theologов уладиться с фактами? Почему бы не примириться им с теорией развития органического мира — как примирились они после Галлилея с вращением земли, после Лапласа — с последовательным образованием небесных тел. Эти научные идеи распространены во всем свете, даже в Китае. Они не пошатнули ни христианства, ни магометанства, ни буддизма... по случаю кончины знаменитого натуралиста, в соборе Св. Павла и других Лондонских церквях говорились проповеди, в которых доказывалось, что дарвинизм не противоречит религии» (цит. по: [Тимиразев: 4]). Гончаров понимал, что никакое истинное научное открытие в принципе не может противоречить вере, о чем он писал в неотправленном послании к Вл. С. Соловьеву: «Вера — не смущается никакими “не знаю” — и добывает себе в безбрежном океане все, что

¹ Характерно, что Гончаров упоминает не только Дарвина, но и его последователей, а из открытий Дарвина — не подвергавшуюся критике бесспорную идею о наследственности. Идеи Гончарова отчасти перекликаются с мыслями А. К. Толстого из его стихотворения «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» (1872), в котором поэт не защищает дарвинизм, но говорит о свободном самовыражении науки, о необходимости не противопоставлять веру и науку, а сочетать их в стремлении к истине. Л. Н. Толстой выделил в теории Дарвина идею эгоистичной борьбы за существование, о чем говорит Левин в «Анне Карениной»: «Разумом, что ли, дошел я до того, что надо любить ближнего, и не душиť его? Мне сказали это в детстве, и я радостно поверил, потому, что мне сказали то, что было у меня на душе. А кто открыл это? Не разум. Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтоб душиť всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно» [Толстой 19: 379].

ей нужно. У ней есть одно единственное и всеильное для верующего орудие — чувство. У разума (человеческого) ничего нет, кроме первых, необходимых для домашнего, земного обихода, знаний, т. е. азбуки всеведения» [Гончаров 1994: 348].

Хотелось бы обратить внимание и на другое: чтение Ч. Дарвина, Ламарка («Philosophie Zoologique») наложило свой отпечаток на стилистику разговора Гончарова о сугубо литературных вопросах, заставляя нетрадиционно для литератора внутренне апеллировать к законам «духовной наследственности» и «взаимного сходства организмов» [Тимирязев: 15–16] в размышлениях над литературой, чему свидетельство его строки из статьи «Лучше поздно, чем никогда»: «Этот мир творческих типов имеет как будто свою особую жизнь, свою историю, свою географию и этнографию, и когда-нибудь, вероятно, сделается предметом любопытных историко-философских критических исследований. Дон Кихот, Лир, Гамлет, леди Макбет, Фальстаф, Дон Жуан, Тартюф и другие уже породили, в созданиях позднейших талантов, целые родственные поколения подобию, раздробившихся на множество брызг и капель. И в новое время обнаружится, например, что множество современных типов вроде Чичикова, Хлестакова, Собакевича, Ноздрева и т. д. окажутся разнородностями разветвившегося генеалогического дерева Митрофанов, Скотининых и в свою очередь расплодятся на множество других и т. д. И мало ли что открылось бы в этих богатых и нетронутых рудниках!» [Гончаров 1952–1955. 8: 104–105]. Эти мысли восходят к общей дарвиновской идее, которую Тимирязев сформулировал следующим образом: «... все организмы находятся в кровном родстве... они произошли одни из других медленным, непрерывным процессом исторического развития, о котором свидетельствует геология» [Тимирязев: 19].

Любопытно в этом смысле и другое. Гончаров, как мы уже писали [Мельник 2020: 163–167], считал красоту и гармонию признаком существования Бога. Сходные мысли он мог наследовать не только из философии и литературы, но и из научных трудов естествоведов. Возможно, Н.Я. Данилевский имел предшественников в среде исследователей природы (которых мог читать и Гончаров, утверждаясь в собственных мыслях), когда возражал Дарвину, апеллируя и к закону красоты. Рассказывая о побудительных мотивах своего труда над критикой дарвинизма, он говорит: «...из бесчисленного множества случайностей ничего разумного, никакого порядка и гармонии не может произойти — ничего,

кроме хаоса и бессмыслицы... камни, из которых возведено здание (теории Дарвина — В. М.), не прилаживаются друг к другу» [Данилевский. 1: 21]. Критикуя Дарвина, Данилевский исходит из убеждения, что развитие природы идет по плану Творца, «имеющему в виду достижение определенной цели». Дарвину возражали не только исходя из законов нравственности, Данилевский подчеркнул, что взгляд Дарвина на природу «есть наименее эстетический». В особенности важна для романиста здесь подспудно доминирующая мысль о единстве пластической и духовной красоты (а еще шире, имея в виду Бога как Творца: единство нравственности, красоты, целесообразности, промыслительности).

Несомненно признавая научный и технический прогресс как положительное явление, Гончаров прекрасно понимал относительность могущества науки, вовсе не отменяющей религиозных ценностей, хотя и воздействующей в этом плане на незрелые умы. Принципиально вопрос о соотносительности современной науки и религиозного сознания был решен Гончаровым еще до написания «Обыкновенной истории». С тех пор его воззрения кардинально не менялись. В 1881 г. выходит книга Вл. С. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве», в которой Гончаров нашел сходные для себя мысли, чем и было вызвано его письмо к философу. В своей книге Вл. С. Соловьев подчеркивал, что центральный момент современной духовной жизни — это «стремление организовать человечество вне безусловной религиозной сферы». Автор «Чтений о Богочеловечестве» отмечал, что «этим стремлением характеризуется вся современная цивилизация» [Соловьев: 3]. Логика книги подсказывала, что укрепить в обществе расшатанные основы традиционного религиозного мышления уже невозможно, если действовать лишь методом огульного и прямолинейного отрицания успехов естественных наук и позитивизма. «Чтения о Богочеловечестве» были попыткой синтезировать религию и научный эмпиризм, причем именно религия выступала в этом синтезе на первый план [Лосев: 186].

Гончаров, как и Соловьев, считает, что религия и наука не находятся в состоянии непримиримой вражды: «В перспективе, весьма туманной, неверной и далекой — у дерзких пионеров науки есть надежда дойти когда-нибудь до тайн мироздания надежным путем науки. Настоящая (т. е. современная. — В. М.) наука мерцает таким слабым светом, что пока дает только понятие о глубине бездны неведения. Она, как аэростат, едва взлетает над земной поверхностью и в бессилии опускается

назад» [Гончаров 1994: 348].

Гончаров выработал свое отношение к науке уже в 1840-е гг., когда ему было чуть более тридцати лет. Тем самым он опередил многих своих современников в подходе к важнейшей для XIX в. проблеме: как сохранить религиозно мыслящую личность в условиях, когда «чувства младенческой веры не воротишь взрослому обществу». Будучи консервативным и глубоко верующим человеком, он серьезно и с большой симпатией относился к научному прогрессу, считая его не только не противопоставленным религии, но и орудием «Божьего Промысла» о человечестве, поскольку в его представлении развитие культуры и цивилизации является «Божьим заданием» для человечества, превращающего «пустыни в сады», являющегося соработником Творцу и своим творческим трудом возвращающего Богу «плод брошенного Им зерна» («Фрегат “Паллада”»). Наука, в его понимании, делает более удобоисполнимым замысел Творца: приблизить к Себе человека как своего со-работника, помощника, цивилизатора, творца искусства и культуры. Глубоко позитивное восприятие науки как раз и определялось типом религиозности Гончарова, который, как и А. К. Толстой, среди многих свойств Бога выделял свойство Бога-Творца.

Список литературы

Источники

Араго Ф. Гром и молния: Ученая записка. Изд. торг. дома С. Струговщикова, Г. Похитова, Н. Водова и К. СПб.: Тип. Академии наук, 1859. 414 с.

Быханов Е. В. Астрономические предрассудки и материалы для составления новой теории образования планетной системы. Ливны: Тип. И. А. Савкова, 1877. 160 с.

Быханов Е. В. Нечто из небесной механики. Очерк. Популярное изложение Е. Быханова. Ливны: Тип. И. А. Савкова, 1894. 70 с.

Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1954–1966.

Гончаров И. А. О пользе истории // Неделя. 1965. № 32.

Гончаров И. А. Письмо к В. С. Соловьеву. Предисловие и публикация В. И. Мельника // И. А. Гончаров (Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова). Ульяновск: ТОО «Стрежень», 1994. С. 343–351.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–2017. Т. 1–15.

Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1977–1980.

[*Данилевский Н. Я.*] Дарвинизм. Критическое исследование Н. Я. Данилевского: в 2 т. СПб.: Изд-е М. Е. Комарова, 1885–1889.

[*Иванов*]. Рассказы о земле и небе. СПб., 1867 // Журнал Министерства народ-

ного просвещения. 1867. СXXXIII. Отд. VII. С. 263–264.

Рассказы о земле и о небе А. Иванова. СПб.: [б.и.], 1867. 64 с.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960. Т. I–IV.

Описание библиотеки И. А. Гончарова. Ульяновск: [б.и.], 1987. 120 с.

Отчет ординарного профессора богословия в Московском университете протоиерея Николая Сергиевского о путешествии его во время летних каникул 1865 года по прочим русским университетам для совещания с тамошними профессорами богословия о лучшем устройстве преподавания этого предмета в наших университетах // Журнал Министерства народного просвещения, 1865. СXXXVIII. Отд. III. С. 182–185.

Приложения к отчету профессора Сергиевского. Мнение священника А. Владимирского // Журнал Министерства народного просвещения, 1865. СXXXVIII. Отд. III. С. 203.

Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. М.: [б.и.], 1881. 528 с.

[Страхов Н. Н.] Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. 506 с.

Страхов Н. Н. [Рец. на кн.: Дарвинизм. Критическое исследование Н. Я. Данилевского. СПб. 1885] // Гражданин. 1886. 7 марта. № 25.

Тимирязев К. А. Чарльз Дарвин и его учение. Два общедоступных очерка. М.: Изд. А. Л. Васильева, 1883. 192 с.

Тиндаль Д. Речи и статьи. М.: Тип. В. П. Племянникова. 1875. 188 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935–1958.

Фаминцын А. С. Дарвин и его значение в биологии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1874. 22 с.

Фламарион К. Многочисленность обитаемых миров. М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1908. 122 с.

Dreper J. Les conflits de la scientifique et industrielle. Paris, 1875. 265 p.

Figuiet L. L'annee scientifique L'impression de la 20 annee. Paris, 1876. 476 p.

Flammarion C. La pluralité des mondes habités: étude où l'on expose les conditions d'habitabilité des terres célestes, discutées au point de vue de l'astronomie, de la physiologie et de la philosophie naturelle. Paris: Didier, 1872. 475 p.

Flammarion C. Les merveilles celestas, lectures du Soir. Paris; Hachette, 1869. 394 p.

Flammarion C. Recits de l'infini, humaine histoire d'une cjmete dans l'infini. Paris; Didier, 1873. 436 p.

Schelling F. W. J. Sammtliche Werke Zweite. Abth. 1 Bd. Stuttgart, Augsburg, J. G. Cotta. 1856. 694 p.

Secchi A. Le Soleil: expose des principales decouvertes modernes sur la structure de cet, son influence dans l'univers et ses relations avec les autres corps celestas... Paris: Gauthier-Villars, 1870. 422 p.

Исследования

Гуськов С. Н. Жители Луны: (комментируя «Фрегат “Палладу”») // Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 545–551.

Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник Московского

университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5. С. 101–119.

Лайтман Б. (*Bernard Lightman*). «Тезис о конфликте» и научный натурализм // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 11–35.

Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. М.: Мысль, 1983. 206 с.

Мельник В. И. Философские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обломов»: К вопросу о соотношении «социального» и «нравственного» в романе // Русская литература. 1982. № 3. С. 81–99.

Мельник В. И. «Крупный, мыслящий и осмысливающий синтез...» (Возникновение замысла романной трилогии И. А. Гончарова) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199>

Стражева И. Удивительная жизнь Фламариона. М.: Молодая гвардия, 1995. 448 с.

Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 480 с.

References

Gus'kov, S. N. "Zhiteli Luny: (kommentiruiia 'Fregat Palladu')" ["Inhabitants of the Moon: (Commenting on the "Frigate 'Pallada'")"]. *Sub specie tolerantiae: Pamyati V. A. Tunimanova* [*Sub Specie Tolerantiae: In Memory of V. A. Tunimanov*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 545–551. (In Russ.)

Kruglikova, O. S. "Evolucionnaia teoriia Darvina v otrazhenii russkoi konservativnoi i liberal'noi pressy vtoroi poloviny XIX v." ["Darwin's Evolutionary Theory as Reflected by the Russian Conservative and Liberal Press in the Second Half of the 19th century"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 10: Zhurnalistsika*, no. 5, 2018, pp. 101–119. (In Russ.)

Laitman, B. (*Bernard Lightman*). "'Tezis o konflikte' i nauchnyi naturalizm" ["'Thesis on Conflict' and Scientific Naturalism"]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 4 (33), 2015, pp. 11–35. (In Russ.)

Losev, A. F. *Vl. Solov'ev* [*Vladimir Solovyov*]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 206 p. (In Russ.)

Me'nik, V. I. "Filosofskie motivy v romane I. A. Goncharova 'Oblovov': K voprosu o sootnoshenii 'sotsial'nogo' i 'nrvstvennogo' v romane" [Philosophical Motives in Ivan Goncharov's novel 'Oblovov': On the Correlation of 'Social' and 'Moral' in the Novel]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1982, pp. 81–99. (In Russ.)

Me'nik, V. I. "'Krupnyi, mysl'iaschchii i osmyslivaiushchii sintez...' (Vozniknovenie zamysla romannoi trilogii I. A. Goncharova)" ["'The Large, Thinking and Comprehending Synthesis...' (The Emergence of the Idea of Ivan Goncharov's Novel Trilogy)"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 3, 2020, pp. 118–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199>

Strazheva, I. *Udivitel'naia zhizn' Flammariona* [*The Amazing Life of Flammarion*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1995. 448 p. (In Russ.)

Tillikh, P. *Izbrannoe. Teologiia kul'tury* [*Selected Works. Theology of Culture*]. Moscow, Jurist Publ., 1995. 480 p. (In Russ.)